

Р О М А Н Г О Л О В О Л О М К А

От начала до конца эта книга —
настоящее наслаждение для ума,
а ее финал просто сбивает с ног.

Publishers Weekly

ЗЛЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Мэтт Рафф

Роман-головоломка

Мэтт Рафф
Злые обезьяны

«АСТ»

2007

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Рафф М.

Злые обезьяны / М. Рафф — «АСТ», 2007 — (Роман-головоломка)

ISBN 978-5-17-102343-0

Джейн Шарлотта арестована за убийство. Она говорит, что работает на секретную организацию, в Департаменте по ликвидации безнадежных лиц, или, как его еще называют, в «Злых Обезьянах», и спасает мир, убивая настоящих злодеев. После такого признания ее отправляют в закрытую психиатрическую клинику, где местному психиатру предстоит определить, безумна ли Джейн. А может, она лжет или ведет какую-то свою игру? Доктор еще не знает, что ему придется столкнуться с самой невероятной преступницей в своей практике, что реальность гораздо страшнее и причудливее, чем он думает, что обыкновенный допрос скоро превратится в жуткую головоломку, а его финал не сможет предсказать никто.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-102343-0

© Рафф М., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

белая комната (I)	6
Дурное Семя, или Новый взгляд на Нэнси Дрю	9
белая комната (II)	28
Мы все создаем этот мир	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мэтт Рафф

Злые обезьяны

Matt Ruff

BAD MONKEYS

Печатается с разрешения литературных агентств Melanie Jackson Agency, LLC и Andrew Nurnberg Literary Agency

Copyright © 2007 by Matt Ruff

© Мария Акимова, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

В «Злых обезьянах» живет подлинный дух Филиппа К. Дика, в них чувствуется влияние Томаса Пинчона и Джима Томпсона... Рафф с потрясающим мастерством играет с тем, что реально, а что лишь иллюзия.

New York Times Book Review

Редко когда книга, посвященная природе реальности и этическим дилеммам о добре и зле, бывает настолько захватывающей и зрелищной.

Associated Press

От сюжетных поворотов кружится голова, а сложная последовательность событий требует вашего самого пристального внимания. Впрочем, и вознаграждает его с лихвой.

BookPage

Здесь чувствуется всепроникающая паранойя Томаса Пинчона и сардонический черный юмор Курта Воннегута и Дугласа Адамса. Итсория поднимает множество вопросов из области морали и этики, но сюжет движется быстро, тон ее скорее сатирический, и он никогда не делает пауз на проповеди.

Library Journal

Филу

И сказал Каин своему брату Авелю: Выйдем в поле.

Бытие 4:8

Совесть: внутренний голос, предупреждающий, что кто-то, возможно, наблюдает за нами.

Генри Луис Менкен

белая комната (I)

Такую комнату мог бы вообразить драматург, утративший вдохновение: белые стены, белый потолок, белый пол. Нет, она не безлика, но близка к тому, чтобы вызвать подозрения, будто эта скудость имеет решающее значение для предстоящей драмы.

На одном из двух стульев возле прямоугольного белого стола сидит женщина. Ее руки скованы, она одета в оранжевый тюремный комбинезон, чей яркий цвет на фоне белизны выглядит тускло. Над столом висит фотография улыбающегося политика. Время от времени женщина бросает взгляд на фото или на дверь – единственный выход из комнаты, но в основном она смотрит на свои руки и ждет.

Дверь открывается. Входит мужчина в белом халате, с ним немного реквизита: папка с делом и диктофон.

– Привет, – говорит он. – Джейн Шарлотта?

– Я самая, – отвечает она.

– Меня зовут доктор Вэйл. – Он закрывает дверь и подходит к столу. – Я здесь, чтобы побеседовать с вами, если это возможно.

Когда она пожимает плечами, он продолжает:

– Вы знаете, где находитесь?

– Если только они не перевезли комнату... – и следом, – Лас-Вегас, тюрьма Кларк Каунти. Крыло для психов.

– А вы знаете, почему находитесь здесь?

– Я в тюрьме за то, что убила того, кого не должна была, – говорит она как ни в чем не бывало. – Что касается «почему с вами в этой комнате», то, думаю, это как-то связано с тем, что я сказала детективам, которые меня арестовали.

– Да, – он жестом указывает на пустой стул. – Можно мне присесть?

Джейн снова пожимает плечами. Он садится, подносит диктофон к губам и произносит:

– Пятое июня две тысячи второго года, примерно девять сорок пять утра. Доктор Ричард Вэйл, беседа с пациенткой Джейн Шарлоттой из... Каков ваш нынешний адрес?

– Я вроде как в процессе переезда.

– ...без определенного адреса. – Он кладет работающий диктофон на стол и открывает папку. – Итак... Вы сказали детективам, что работаете на секретную организацию по борьбе с преступностью, которая называется «Злые Обезьяны».

– Нет, – отвечает она.

– Нет?

– Мы не боремся с преступностью, мы боремся со злом. Есть разница. И «Злые Обезьяны» – название моего подразделения. У самой организации нет названия, по крайней мере, я его никогда не слышала. Просто «Организация».

– А что значит «Злые Обезьяны»?

– Это прозвище, – говорит она. – Они есть у всех подразделений. Официальные названия слишком длинные, их тяжело использовать где-то, кроме фирменных бланков, так что люди придумывают сокращения. Административный отдел официально называется «Департамент по оптимальному использованию ресурсов и персонала», но его просто называют «Затраты-Выгоды». А группа разведки – это «Департамент повсеместного периодического надзора», прозвище – «Паноптикум». А мое подразделение – «Департамент по окончательной ликвидации безнадежных лиц»...

– Безнадежные лица, – доктор улыбается. – Злые обезьяны.

– Точно.

– Хотя стоило бы сказать «Злые Приматы».

Когда она не отзывается, доктор начинает объяснять:

– Человеческие существа ближе к крупным приматам, чем...

– Вы копируете Фила, – говорит она.

– Кого?

– Моего младшего брата. Филиппа. Он тоже зануда. – Она пожимает плечами. – Да, полагаю, по-хорошему вместо «обезьяны» надо говорить «приматы». И по-хорошему, – она поднимает руки и трясет браслетами, – это следует называть запястными манжетами. Но никто их так не зовёт.

– Итак, что конкретно вы делаете в «Злых Обезьянах»? – спрашивает врач. – Наказываете плохих людей?

– Нет. Обычно мы просто их убиваем.

– Убийство – это не наказание?

– Только если вы попытаетесь поквитаться. Но организация таким не занимается. Мы всего лишь стараемся сделать мир лучше.

– Убивая злых людей.

– Не всех. Лишь тех, кто по мнению «Затрат-Выгод» принесет гораздо больше вреда, чем пользы, продолжая дышать.

– И вас не тревожит, что приходится убивать людей?

– Обычно нет. Я же не офицер полиции. В смысле, копам приходится иметь дело с разными людьми. Бывает, защищая закон, они должны взяться за ребят, которые не так уж и плохи. Я понимаю, тут есть из-за чего испытывать угрызения совести. Но типы, которых преследуют «Злые Обезьяны», не вызывают смешанных чувств.

– А человек, за убийство которого вы были арестованы, мистер...

– Диксон, – подсказывает она. – Он не был злой обезьяной.

– Нет?

– Он был придурком. И мне не нравился. Но он не был злодеем.

– Тогда почему вы его убили?

Она качает головой:

– Я не смогу вам этого объяснить. Даже если бы решила, что вы мне поверите, это не имеет смысла, если не рассказать сперва обо всем остальном. Но история слишком длинная.

– У меня сейчас нет никаких дел.

– Нет, в смысле, история на самом деле длинная. За утро я, наверное, смогла бы дать вам пролог, а чтобы добраться до конца, понадобится несколько дней.

– Вы осознали, что задержитесь здесь?

– Конечно, – говорит она. – Я убийца. Но это не повод тратить на меня ваше время.

– Вы хотите рассказать свою историю?

– Думаю, какая-то часть меня хочет. В смысле, мне же не обязательно было упоминать при копах о «Злых Обезьянах».

– Что ж, если вы готовы говорить, то я готов слушать.

– Вы просто решите, что я чокнутая. Вы, наверное, уже так решили.

– Я стараюсь не делать поспешных выводов.

– Это не поможет.

– Почему бы нам не начать, а там посмотрим, как пойдет? – предлагает доктор. – Расскажите, как вы впервые связались с организацией. Как долго вы работали на них?

– Около восьми месяцев. Меня завербовали в прошлом году, после того как рухнули баини Всемирного торгового центра. Но все началось задолго до того. Впервые я пересеклась с организацией ещё подростком.

– И как это случилось?

– Я впуталась в операцию «Злых Обезьян». Так многих и вербуют: они оказываются не в том месте и не в то время, увязают в операции, и даже если на самом деле не понимают, что происходит, но показывают потенциал, организация берет их на заметку. Позже – спустя дни или годы – появляется вакансия, и «Новая Кровь» наносит им визит.

– Значит, расскажите мне о той операции, в которую вы вмешались.

– Ну, все началось, когда я догадалась, что школьный уборщик был Ангелом Смерти...

Дурное Семя, или Новый взгляд на Нэнси Дрю

– Осень тысяча девятьсот семьдесят девятого. Мне было четырнадцать, и меня отослали жить с дядей и тетей.

– А где вы жили до этого?

– В Сан-Франциско. Хейт-Эшбери¹. Родные пенаты Чарли Мэнсона.

– И почему вас отослали?

– Чтобы меня не убила собственная мать. Весь год мы с ней постоянно ссорились, а к концу лета стало совсем плохо. Вы понимаете, в физическом смысле.

– Из-за чего вы ссорились?

– Обычные дела. Мальчики. Наркотики. Я ночи напролет зависала с друзьями. А тут еще и мой брат. Отец сбежал за несколько лет до этого, и, чтобы содержать нас, мама вкалывала по двенадцать часов в день. Она ненавидела свою работу, а мне приходилось присматривать за Филом, чего я терпеть не могла.

– Сколько лет было Филу?

– Десять. Десятилетний умник. То есть он вполне соображал, что не надо пить отбеливатель или поджигать квартиру. Плюс был реально замкнутым пацаном, дайте ему книгу, и он несколько часов просидит тихонько. Это и была одна из причин, почему я не хотела приглядывать за ним: не на что было глядеть. Все равно что быть нянькой для камня. Так что вместо этого чаще всего я вытаскивала Филадельфию из дома, оставляла его где-нибудь, уходила по своим делам, а потом возвращалась и забирала. И если мама оказывалась дома раньше или звонила с работы с проверкой, я просто сочиняла историю, будто бы вела Филадельфию в зоопарк на пятьсот двадцать третьей улице, а он подтверждал, потому что иначе я грозила продать его цыганам.

Это отлично прокатывало какое-то время, но в конце концов моя мать фишку просекла. Один раз я привела Филадельфию домой после девяти вечера, а она знала, что зоопарк так поздно не работает. В другой раз меня поймали на краже в музыкальном магазине, а когда отпустили, библиотека, в которой я оставила Филадельфию, уже закрывалась. Один из библиотекарей нашел его среди стеллажей и доложил о потерявшемся ребенке.

Вот после этого мы с матерью объявили друг другу войну. Она начала называть меня «дурным семенем» и говорить, что я вся в своего никчемного отца. Теперь-то я ее не виню – на ее месте я тоже нашла бы парочку обидных слов, но в то время я была вся такая: «Алло, я не просила младшего брата и не вызывалась замещать мамулю, а если думаешь, что я дурное семя, то подожди чуток, я тут занята, оправдываю прозвище».

– Вы говорите, что доходило до физической расправы.

– Да. В основном оплеухи и таскание за волосы. И я отлично давала сдачи. Мы с ней были примерно одного роста, так что это было не то чтобы жестокое обращение. Скорее, возня. Хотя у мамы было больше гнева, чем у меня, и она частенько хваталась за оружие: ремни, посуду, все, что было под рукой. И, как я уже говорила, я могла дать сдачи, но перспективы у этого были нездоровыми.

– А что насчет вашего брата? Какие у них были отношения?

– О, она любила Филадельфию. Разумеется. Он же был неприхотливым ребенком.

– Она как-то показывала свою любовь к нему?

– Она не швыряла в него тарелки. Кроме того, я не знаю, может быть, разок поцеловала в лоб. Я не завидовала, если вы об этом. Меня в их отношениях беспокоило только то, что

¹ Хейт-Эшбери – район в Сан-Франциско, штат Калифорния, названный по пересечению улиц Хейт и Эшбери. Знаменит тем, что в прежние времена здесь жили хиппи, музыканты и художники, сейчас это скорее туристическое место, но дух прежней свободы в нем сохранился.

приходилось торчать рядом с братом. Она ожидала, что я буду ему помогать, даже когда сама была дома, что казалось совершенно бессмысленным. У нас была уйма ссор из-за этого.

– И после очередной ссоры вас отослали?

– Нет. Это отдельная история. Фил был замешан, но дело совсем не в нем.

– Так что же случилось?

– Смешная штука на самом деле. Напротив нашей многоэтажки был такой большой пустырь, который какие-то хиппи превратили в общественный сад. Можно было подписаться на участок земли и выращивать овощи или что-нибудь еще. У моей подруги Луны было несколько семян марихуаны, так что мы решили попробовать вырастить там собственную травку.

– В общественном саду?

– Не самая блестящая идея на свете, я знаю. Но вы должны понять, до этого мы видели травку только в пакетиках и понятия не имели, до чего здоровенной она вымахивает. Думали, что она типа сорняка, а сорняки мелкие. Решили для прикрытия посадить вокруг растения покрупнее, а потом собрать марихуану, прежде чем кто-то заметит что к чему.

Так что я закрепила за нами участок, но записала его на имя Фила. Я часто оставляла брата в саду; он не интересовался растениями, но любил животных, а там водились бродячие кошки, с которыми можно было поиграть. Что он и делал – пас котов – в тот день, когда нашу марихуановую грядку разорили.

И первыми ее обнаружили не хиппи, как вы могли подумать, а патрульный полицейский. Имя парня, клянусь Богом, было Бастер Дружески. Когда одним прекрасным днем офицер Дружески проходил мимо сада, сработал его «детектор порока», а дальше, сами понимаете, коп ловил у забора каждого взрослого, тыкал в лицо подписным листом и пытался выяснить, кто тут Фил. Потом Фил сам подошел и дернул его за рукав, и офицер спросил: «Это твоя марихуана, сынок?» А тот ответил: «Да», но когда я не шептала ему на ухо «цыгане», он был не очень убедительным вруном, так что офицеру Дружески хватило десяти минут, чтобы его расколоть. Еще через десять минут я вернулась от Луны, чтобы забрать Фила, и меня сцапали.

– Офицер арестовал вас?

– Он забрал нас в участок, но протокол не стал составлять. Протащил через рутинную «Полосу Пугалок»: показал камеру, познакомил с неудачниками, которые там ютились, рассказал жуткие истории о том, насколько хуже в настоящей тюрьме. Едва я поняла, что он ничего с нами делать не собирается, меня все это перестало волновать, но я продолжала притворяться, потому что этот парень должен был оказаться на моей стороне, когда появится мать. Так что я постоянно называла его «сэр» и пыталась сойти за маленькую проказницу вместо маленькой сучки.

В конце концов примчалась мама и налетела на меня безо всяких прелюдий. К этому времени я почти понравилась офицеру Дружески, но он все еще считал, что мне нужно преподать урок, так что если бы мать слегка меня потрепала, он бы ее отпустил. Но она была в бешенстве, кричала о дурном семени, начала так душить меня, что я вышла из себя и принялась сопротивляться, все обернулось дикой сценой с копами, которые набежали из соседних кабинетов нас разнимать. Когда им это удалось, вызвали соцработника, и у нас была трехчасовая беседа, где моя мама ясно дала понять: если мы с ней отправимся домой, она не просто отправит меня спать без ужина, а утопит в ванне. Так что им пришлось перейти к плану Б.

В конце концов мама согласилась обратиться к специалисту по управлению гневом, а взамен ей разрешили забрать Фила. Я оставалась в участке, пока офицер Дружески ездил с ними взять пару сумок моей одежды, а потом он отвез меня к тете и дяде в долину Сан-Хоакин. Была уже середина ночи, и ехать предстояло, по крайней мере, миль сто, но он настоял, что сам меня доставит. Так что сперва я подумала: «Ого, он и правда купился на мою игру в маленькую проказницу». И я продолжала дурить его, пока в один прекрасный момент, в середине совер-

шенно фальшивой истории о моей матери, он не посмотрел так, что я поняла: насквозь меня видит. Знает, что морочу его, но все равно позволяет нести фигню, и не потому что тупой, а потому, что хороший мужик. Так что я на какое-то время заткнулась.

– Из благодарности или просто от стыда?

– И то и другое. Слушайте, я знаю, о чем вы думаете: отец сбежал, и теперь вот этот мужской авторитет укажет мне путь, ля-ля-ля, и что-то в таком же духе. Но оказалось, он был умнее, чем я представляла, и весь мой план переменялся. Вообще-то у меня не было ни малейшего желания оставаться у тетки. По моей задумке, офицер Дружески меня бы высадил, я переночевала бы, чем-нибудь позавтракала, может быть, украла немного налички и свалила. Поймала бы машину до Сан-Франциско, а там, возможно, родители Луны позволили бы зависнуть у них. Но оказалось, что коп башковит и, конечно, догадывается, что я именно так и планирую поступить.

Мы почти добрались до места, когда он сказал: «Сделаешь мне одолжение, Джейн?» И я спросила: «Какое?», а он ответил: «Подожди две недели». И мне не нужно было спрашивать, чего именно ждать: он определенно был на моей волне. Так что вместо этого я сказала: «Почему две недели?» И он ответил: «Этого тебе хватит, чтобы остыть. Потом и решай, хочешь ли на самом деле сделать какую-нибудь глупость». Я немного разозлилась, но не так сильно, как сама ожидала, и сказала: «Вы мне теперь, что, приемный папа?» А он спросил: «Тебе это нужно?», что заставило меня заткнуться еще на пару секунд. В конце концов я ответила: «Двадцать баксов», и он спросил: «Двадцать баксов?», а я такая: «Ага. Вот что мне нужно». Но он покачал головой и заявил: «За двадцать баксов тебе придется переждать, по крайней мере, месяц».

Остальной путь мы торговались. С одной стороны, я считала все это дуростью, с другой, этот парень начал мне нравиться, так что торг был серьезный. В итоге мы сговорились на двадцати пяти долларах и моем обещании позвонить, прежде чем пуститься в бега через месяц и дать шанс меня отговорить. Я сильно рисковала, соглашаясь на такое.

– Чем же?

– Ну, он же мне понравился, правильно? Настолько сильно, насколько вообще мне в том возрасте могли нравиться взрослые. Но в то же время дурой я не была и понимала, что по работе он имеет дело с сотнями детей, большинство из которых оторвы почище меня, так что кто знает, вспомнит ли он обо мне спустя месяц. И если я на самом деле позвоню, не ответит ли: «Какая еще Джейн?» Меня бы это вряд ли порадовало. Но сделка есть сделка, так что оставался один способ не звонить – не убегать. Или дожидаться, пока дела пойдут совсем плохо, чтобы можно было нарушить обещание и чувствовать себя нормально.

Так вот я и оказалась в доме тети и дяди. Где в конце концов и осталась.

Они жили в Сиеста Корта, что в переводе с испанского значит: «Разбудите меня, если что-нибудь случится». Местечко между Модесто и Фресно. Все, что нужно дальнобойщикам или сезонным рабочим из мигрантов: заправка, магазин, закусочная, бар, дешевый мотель и церковь трясунов². Мои тетя и дядя держали магазинчик.

– Какими людьми они были?

– Старыми. Родня по отцу. Тот был на пятнадцать лет старше матери, а моя тетя приходилась ему старшей сестрой, так что, глядя на нее, можно было подумать, что она мне бабушка. А дядя был еще старше.

– Вам было неловко остаться у сестры вашего отца?

² Трясуны (Holy Roller) – просторечное название пятидесятников (баптистская секта), членов методистской общины, основанной в Лос-Анджелесе чернокожим пастором Сейсуром. Члены секты отличались повышенной восприимчивостью и впечатлительностью.

– Не особо. Отец на тот момент выбыл из игры: он разорвал все отношения со своей семьей тогда же, когда сбежал от нас. И моя тетка была совсем на него не похожа. Она была замужем за дядей и жила в одном и том же доме с конца Второй мировой войны.

– Как они отнеслись к тому, что вы останетесь жить с ними?

– Был бы выбор, не думаю, что они позволили бы мне остаться так надолго по своей воле. Но они никогда не жаловались.

– То есть вы ладили?

– Да я иначе поступить не могла. Они были самыми бесконфликтными людьми из всех, кого я когда-либо встречала: даже если постараться, не удалось бы с ними поссориться. И это не значит, что у них не было своих правил, но они так умели заставить меня им следовать, что не подчиниться было невозможно.

Вот мой дядя, он был из тех типов, что любят перед сном пропустить стаканчик виски. Я решила, что это просто отличная идея, и на вторую ночь, когда он уже лег, пробралась в его кабинет и налила себе. И ведь совсем немного, но парни, которые пьют каждый день, точно знают, сколько осталось в бутылке, и если уровень уменьшится хоть на четверть дюйма, замечают.

Вот что, если бы мать поймала меня пьющей, особенно ее виски? Да она бы в две секунды высказала мне все прямо в лицо. Дядя и слова не сказал, но на следующий день я проходила мимо кабинета и слышала оттуда звук дрели, а тем же вечером, когда пришла налить себе стаканчик на ночь, обнаружила на баре совершенно новый замок. Здоровенный, с кулак размером, такой просто не сорвешь.

Они так поступали со всем нехорошим, что я делала. Не читали мне нотаций, считая, что я отличаю хорошее от дурного, но если я упорствовала в чем-то неправильном, находили способ поставить меня в рамки.

Однажды утром тетка спросила: не хочу ли я помочь в магазине? Обычно такие предложения я даже не рассматривала, но в тот раз мне было до того скучно, что я сказала: «Ладно». В конце дня она дала мне пятьдесят центов, что казалось очень мало за восемь часов, пусть даже я там больше журналы листала, чем работала. На следующий день повторилась та же история. Еще через день я слиняла около полудня и вместо того, чтобы дождаться оплаты, сперла пару долларов из кассы. Ночью, перед сном, я решила положить их в ящик стола, где хранила остальную зарплату и деньги офицера Дружески, а там вместо двадцати шести долларов оказались только двадцать четыре. Понятное дело, что случилось, но я все равно вытащила ящик и потрясла его, вдруг деньги куда-то завалились. Выпал одинокий четвертак.

– То есть плата за полдня работы?

– Точно.

– Тете вы что-нибудь сказали?

– А что бы я сказала? «Не честно красть деньги, которые я у тебя украла»? Во всяком случае, надо отдать ей должное, она оказалась на шаг впереди. И не тратила сил на вопли. Это выглядело, ну, не знаю, действенным, что ли.

Но и расстраивало тоже. Если еще не поняли, то в Сиеста Корта мне было совсем нечем заняться, и если вычсть ерунду, которую я не должна была творить, жизнь очень быстро стала дико скучной.

Черная полоса наступила дней через десять. У тети и дяди не было телевизора – ну, разумеется, – но книг в доме было полно, и однажды, уже в полной тоске, я начала рыться в их библиотеке. Не хочу сейчас создать у вас ложного впечатления. Я не деревенщина, и у меня нет аллергии на книги, как у некоторых, но все-таки в списке любимых дел чтение чего-

то серьезнее «Тайгер Бит»³ оказалось бы ниже бадминтона и ирисок. И вот вам, пожалуйста, дивный вечер пятницы, а я свернулась в кресле с детективом о Нэнси Дрю⁴ на коленях.

– Я бы не догадался, что вы были поклонницей Нэнси Дрю.

– И не была. Я фанатела от Памелы Сью Мартин, которая играла Нэнси Дрю в сериале: играла, пока ее не выгнали из шоу за плохое поведение. Она была для меня одним из образцов для подражания. Кристально-чистая на экране, а в реальной жизни – оторва, которая не будет терпеть всякое дерьмо от людей. Она и для «Плейбоя» позировала, и снималась в фильмах категории «R», в этом году сыграла подругу Джона Диллинджера из «Дамы в красном». Так что из-за Памелы Сью Мартин я воображала Нэнси Дрю такой: со скрытыми пороками, покруче, чем сама Нэнси могла себе позволить.

Книга оказалась вполне безобидной, но меня затянула, и когда я очнулась, прошел почти весь день. Это меня перепугало, потому что сидеть несколько часов на одном месте без движения – это, знаете ли, дело для Фила.

– Вы забеспокоились, что превращаетесь в своего брата?

– Ага. Знаю, сейчас звучит смешно, но только не тогда. У меня случился настоящий приступ паники. Так что я вскочила с места, собрала все свои деньги и отправилась напрямик к шоссе.

– А как же ваше обещание офицеру Дружески?

– Ну, я же не собиралась сбежать. Это больше походило на тест-драйв, практический урок по автостопу. Мне повезло, потому что, пока я стояла на обочине, заметила кое-что действительно интересное.

Это была девчонка примерно моего возраста. Мексиканка, но с сигаретой во рту, в общем, из моего племени. Она сидела рядом с закуской, у стены, где держали мусорные баки. Раздобыла себе пустые ящики, соорудила из них охотничий схрон и притаилась там с кучей каких-то зеленых камней. Когда я приблизилась, то рассмотрела, что камни на самом деле были апельсинами. У девчонки оказалась самодельная рогатка, из которой она стреляла куда-то через дорогу.

– По автомобилям?

– Было бы круто, но нет, по заправке на другой стороне. Там был парень, латинос, как она, но постарше – лет восемнадцати или девятнадцати. По идее, он должен был приглядывать за насосами, но вместо этого дремал после позднего обеда. Или пытался; каждый раз, когда он начинал клевать носом, девчонка стреляла очередным апельсином.

Она не пыталась попасть прямо в латиноса – это испортило бы всю игру, – а целила в оловянную крышу бензоколонки. Апельсин с грохотом ударялся о металл, парень вздрагивал, выбегал из-под навеса и получал скатившимся фруктом по башке. Потом он стоял, потирая шишку, и орал в воздух, чтобы дерзкий метатель вышел и встретился с ним лицом к лицу как мужчина.

Пока я наблюдала, вся сценка повторилась пять раз, и с каждым разом девчонка мне нравилась все больше и больше. Я постепенно приближалась к ее укрытию, и вот уже оказалась прямо над ней. «Боже, – наконец сказала она, – если собираешься остаться, присядь или еще что-нибудь сделай. Он не настолько тупой».

Я залезла в схрон. Она тяжело вздохнула, словно ей не нужна компания, но потом протянула мне свою пачку сигарет. Я хотела было угоститься, но сообразила, что это конфеты такие – так что, возможно, она не член моего племени. И все равно взяла одну, просто чтобы выглядеть дружелюбной.

³ «Tiger Beat» – американский журнал для девочек-подростков.

⁴ Нэнси Дрю – знаменитый во многих странах литературный и киноперсонаж. Девушка-детектив, разгадывающая тайны в маленьком городке.

«Так этот парень – твой брат?» – спросила я.

«Мой тупой брат, – ответила она, – Фелипе».

– Ее брат тоже был Филом?

– Да. Странное совпадение. И не единственное: ее звали Карлотта. Карлотта Хуанита Диас. «Джейн Шарлотта», – представилась я. А она кивнула, будто уже знала, и добавила: «Ты остановилась у Фостерсов».

«Пока что, – сказала я. – А что насчет тебя?»

«Я всегда здесь жила. Мои родители приехали из Тихуаны, когда Фелипе был мелким».

«У твоей семьи заправка?»

«И вот это, – она ткнула пальцем в закусочную. – А мой папа – диакон в церкви».

«Ого, – сказала я. – Важные люди».

«Да, мы – короли и королевы пустого места, отпад».

Фелипе на той стороне дороги снова откинулся в шезлонге, служившем ему койкой. Карлотта протянула мне рогатку. «Помни, – велела она, – целься выше». Я так и сделала, мне удалось попасть в крышу, хотя, вместо того чтобы скатиться обратно, апельсин отскочил и шлепнулся с другой стороны. Не важно: Фелипе опять подпрыгнул, но вместо того, чтобы вернуться к своей сестре, побежал в будку. И минуту спустя появился с раздвижной лестницей.

«Ну, Карлотта, – поинтересовалась я, – и как долго ты этим развлекаешься?»

«Ты имеешь в виду сегодня или вообще?»

«Так эта пальба – обычное дело?»

Она пожала плечами: «В городе нет кинотеатра, а я должна как-то развлекаться... Погнали».

Фелипе уже начал подниматься. Карлотта подождала, пока он залезет на крышу, а затем последним апельсином выбила лестницу. Игра закончилась.

«Ну, – сказала она, – хочешь мороженого?»

Родители Карлотты работали в закусочной. Мать разрывалась между кассой и столами. Отец заведовал кухней, хотя управление сеньора Диаса заключалось главным образом в том, чтобы сидеть читать Библию и спортивные новости, а иногда орать на поваров, чтобы те пошевеливались.

«Эй! – крикнул он, когда Карлотта провела меня через черный ход. – Где ты была?»

«Ходила по земле»⁵, – сказала Карлотта, кивнув на Писание, лежащее на коленях отца. В ответ на шутку он наградил ее таким угрюмым взглядом, которым мог бы наделить сам ветхозаветный Бог.

«Это не смешно, Карлотта. Тебя мать искала. Ей нужна помощь в зале».

«Да, конечно, через минуту», – сказала Карлотта. Она нырнула в морозильную камеру, оставив меня наедине с этим Иеговой.

«Привет, – сказала я. – Я – Джейн».

Сеньор Диас откашлялся, словно собирался сплюнуть. Он вернулся было к изучению Библии, но снова поднял на меня глаза и одарил долгим, задумчивым взглядом.

«Ты новенькая девочка, – наконец сказал он. – Фостерсов».

«Ага, это я. Новенькая девочка».

«Ты у них задержишься?»

«Похоже на то».

«Значит, пойдешь в здешнюю школу».

Я об этом не задумывалась, но он, конечно, был прав. От этой перспективы меня пере-дернуло: «Наверное».

⁵ Цитата из Библии (Иов 1:7) «И сказал Господь Сатане: откуда ты пришел? И отвечал Сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее».

Он кивнул: «И как планируешь добираться?»

«Не знаю. Наверное... на автобусе?»

«Ха! Автобус! – Он отмахнулся от этой идеи. – С чего бы тебе хотеть ездить в школу на автобусе?»

«Ну...»

«Вот что я скажу тебе – Джейн, правильно? – здешний школьный автобус никуда не годится».

«Да?»

«Да. Я никогда бы не позволил своей дочери ездить на нем. Мы отвозим ее сами. Если хочешь, можешь присоединиться».

«А мне можно?»

«Да. Думаю, это отличная идея». Мне она тоже казалась вполне ничего, но тут явно был подвох. «Ладно, – подстраховалась я, – но мне сначала нужно спросить тетю и дядю...»

«О, уверен, они не станут возражать. Позволь мне самому поговорить с ними. Вот! – Он вскочил и отряхнул табурет, на котором сидел. – Присядь и расслабься! Хочешь мороженого?»

Позже Карлотта объяснила мне что к чему. Прошлой весной ее дважды выгнали из школьного автобуса за драку, и после второго раза водитель отказался пускать ее без письменных извинений. Но сеньор Диас и слышать об этом не желал. «Он хотел, чтобы водителя уволили, ну, ты понимаешь, за нарушение моих гражданских прав. Но директор этого не сделал, и теперь мой отец хочет отправить меня в частную школу, но чтобы платил за нее директор. Так что мы подали иск, но пока не выиграем, мне все равно приходится ездить в обычную». Но не на автобусе. Вместо этого мать Карлотты отвозила ее утром, а брат забирал в конце дня. «Нормально, не считая бесконечного ожидания, особенно в конце дня. Фелипе не может покинуть заправку, пока кто-нибудь его не подменит, а иногда это случается не раньше пяти или шести часов».

«Значит, тебе приходится просто болтаться по школе?»

«Ну, не обязательно... Я могла бы сама вернуться назад, там всего две мили, но отец психует, если я так делаю. Говорит, что это слишком опасно, особенно теперь, при Ангеле Смерти».

«При ком?»

Большинство газет называли его «Убийца с трассы девяносто девять»: неизвестный, который весь прошлый год путешествовал по шоссе из конца в конец и крал детей в придорожных забегаловках или на заправках, когда родители отвлекались. Парочка таблоидов, заметив, что он забирает только мальчиков, окрестили его новым именем.

«Ангел Смерти, – сказала Карлотта. – Как тот, из Египта, который убивал первенцев. И я такая говорю отцу: „Эй, я же не мальчик, о чем мне-то беспокоиться?“, но он сказал: „А что, если этот тип ошибется? Думаешь, если он затащит тебя в свою машину и разглядит, что ты девочка, то просто отпустит?“»

Это объясняло, почему сеньор Диас хотел, чтобы я ездила вместе с его дочерью: он решил, что в компании она вряд ли заскучает и отправится гулять по шоссе. Кроме того, из нас двоих я точно выглядела пацанистее, и случись самое худшее, вероятно, Ангел схватит меня.

– Сеньор Диас – просто великий гуманист.

– Да вы же понимаете. Родители. Трудно на него было обижаться. В любом случае прозвучит странно, но мысли об опасности будоражили. В смысле, разве не из-за этого люди верят в привидения? Так темнота становится интереснее.

И я не думала, что мы когда-нибудь столкнемся с этим типом. Если у меня и были на этот счёт какие-то сомнения, они исчезли, как только тетя с дядей одобрили предложение сеньора Диаса. Существой реальная опасность, они бы заставили меня сесть в автобус.

Вместо этого в первый учебный день тетя подняла меня страшно рано, чтобы я успела собраться до приезда мамы Карлотты. Единственный раз я засомневалась во всей этой затее, когда дверь моей спальни распахнулась в пять утра. Через полчаса я уже сидела в машине, а без четверти шесть мы с Карлоттой грызли перед школой конфетки-сигаретки в компании других ранних пташек.

Примерно в шесть пятнадцать появилась библиотекарша. Она впустила нас в здание и заставила до начала занятий торчать в библиотеке. Когда закончились уроки, мы вернулись туда и убивали время до появления Фелипе на его пикапе.

– В библиотеке была Нэнси Дрю?

– Полный комплект. А еще Братья Харди и близнецы Боббси⁶. Карлотта с ума сходила по близнецам, а я вот нет, но она была странной девчонкой во многих отношениях.

– А что насчет занятий? Какими они были?

– Скучными.

– У вас появились еще друзья?

– На самом деле нет. Я пыталась найти себе дурную компанию, но из того, что могло предложить это местечко, Карлотта с ее леденцовым «Пэлл Мэлл» была ближе всех к шпане. Не хочу говорить, что остальные оказались тупой деревенщиной, но они были тупой деревенщиной. Так что я застряла с Карлоттой, и мы сами себя развлекали.

– И эти развлечения включали в себя любительские расследования?

– Не нарочно. Вы ведь об уборщике, правильно? Я его раскусила, но это вышло случайно.

– Что произошло?

– Школа была загружена процентов на шестьдесят, и чтобы сэкономить деньги, целое крыло здания закрыли. Официально ходить туда было запрещено, но именно поэтому, конечно, так и подмывало забраться внутрь; мы с Карлоттой обсуждали, что раздобудем ломик и все там разведем.

Однажды днем я шла в туалет и заметила, как уборщик открыл одну из дверей в запретное крыло. Он вошел и захлопнул за собой створку, но я не слышала, чтобы щелкнул замок. Редкая удача; я чуть не побежала в библиотеку за Карлоттой, но поразмыслила и решила, что это может оказаться больше, чем просто удача.

Понимаете, единственное, чего мне не хватало в Сиеста Корте, – травки. И это сводило с ума, потому что я оказалась в самом сердце проклятой страны фермеров и знала, что люди должны тут ее выращивать. Но никаких таких связей у меня не было. От Карлотты помощи не жди; ее губ касалось только вино для причастия, да и то редко. Я сильно надеялась на Фелипе, но, когда разговор коснулся наркоты, он оказался еще большим пуританином, чем его сестра. Однажды я попытался поднять эту тему, он только злобно на меня зыркнул.

– И вы решили, что с уборщиком повезет?

– Конечно. В четыре часа дня парень входит в заброшенную часть здания. Зачем? Не полы же мыть. Никаких инструментов у него с собой не было, так что ремонт он там делать не мог. Что же остается?

– Я мог бы вообразить множество вещей. Но, так понимаю, вы уповали на порок?

– Ну да. И мы говорим о молодом парне с длинными волосами и бородой Иисуса. Так что же за порок он предпочитал, как думаете?

– Не тот, о котором вы подумали.

– Нет, на самом деле именно тот. И не только его.

За дверью оказался длинный коридор с пустыми классами. Уборщик был в последней комнате слева, и уже на полпути я учуяла запах травки. Хорошей – он явно знал нужных людей. Так что я кралась, придумывая, как на этом сыграть. Думала, могу ли подойти непринужденно

⁶ Братья Харди и близнецы Боббси – герои детских детективов.

и дружелюбно – «Привет, а можно и мне затянуться?» – или превратиться в полную засранку и пригрозить, что выдам его, если не отдаст всю заначку.

– И какой вариант вы выбрали?

– Не могла решить. Я же вообще не знала этого парня, правильно? Так что понятия не имела, что проще – напугать его или заставить делиться. А между тем я уже стояла у самой двери – и стали слышны все эти обезьяньи крики.

– Обезьяньи крики?

– Ага. Буквально. Я даже сначала подумала: может, у него там шимпанзе? Неправдоподобно, знаю, но кто может поручиться за любителя травки? Так что я заглянула в щелку и увидела такую сценку, что меня чуть не разорвало.

Уборщик был у окна. У него там стоял телескоп, и его лицо прижималось к окуляру, будто приклеенное. Левая рука изогнулась над головой, вот так, держа косяк, а правая была у талии, держа... Ну, я не могла, слава Богу, точно разглядеть что, но по движениям нетрудно догадаться.

Что касается обезьяньих криков, то это было два звука, слившихся в один. Он, конечно же, и сам хрюкал, но еще, чтобы опираться, подтащил стул, уселся задницей на подлокотник, а ножки стула издавали такой скрип-скрип-скрип в такт хрюканью: вуаля, настоящие крики шимпанзе. Что во всех отношениях было не слишком далеко от истины.

Так что я за этим наблюдала, и такая «буэ!», но в то же время мне все еще хотелось раздобыть немного дури. Теперь у меня точно было чем шантажировать этого парня, но об идее сцепиться с ним в кабинете и думать не хотелось, до того грязной эта мысль казалась, поэтому я решила подождать и посмотреть, оставит ли он бычок, когда закончит свои дела. Мы с Луной так поступали на вечеринках ее родителей: выгребали остатки из пепельниц и набивали ими бонг. Отличный способ получить нужное без разговоров со всякими уродами.

Я спряталась в классе напротив и молилась, чтобы этот тип поскорее кончил. Обезьяньи крики стали громче и больше походили на вопли гориллы, а не шимпанзе, затем громкий стук, словно стол упал, потом тишина, и едва слышный звук застегивающейся молнии. В коридоре раздались шаги, он не то чтобы бежал, но спешил, будто вспомнил о встрече.

Убедившись, что путь свободен, я выбралась из укрытия. С травкой не повезло: он, конечно, оставил кое-что после себя, но совсем не марихуану.

Я посмотрела в телескоп, чтобы узнать, за кем же он шпионил. Ожидала увидеть раздевалку для девочек или что-то в таком роде, но вкусы у парня оказались более странными, чем я думала. Телескоп был направлен на небольшую площадку для пикников, примерно в четверти мили к югу от школы. Ничего особенного, просто место для разворота у шоссе девяносто девять с несколькими деревянными столиками и качелями на дереве. Туда ходили на свиданки, в пятницу или в субботу вечером, думаю, этого любопытного многое могло привлечь, но сейчас там сидело семейство туристов: мама, папа, два малыша, золотистый ретривер и трейлер с наклейками из Диснейленда.

Я не увидела ничего привлекательного. То есть мало ли бывает извращенцев, но эта семья не казалась, ну, вы понимаете, вдохновением для самоудовлетворения. Поэтому я пыталась разгадать загадку – мамаша его так распалила? Или это был пес? – когда услышала, как хлопнула дверь. И я такая: «Ой, черт, он возвращается», но это была не дверь кабинета, а вход в школу. Я выглянула в окно и увидела уборщика на стоянке. Он подошел к коричневому фургону, влез в него, завел двигатель... и стал там просто сидеть.

Через минуту я заметила, что из окна водителя потянулся дымок: сукин сын раскурил еще один косячок. Меня это разозлило, потому что я уже думала о его травке как о своей собственной, и я начала посылать мысленные флюиды любому провинциальному собрату офицера Дружески, какой только мог оказаться в этом районе, чтобы он приехал и скрутил этого извращенца.

Конечно, ничего не произошло. Но зато семейство на трейлере через пару минут показало прочь. И только они миновали школу, как задние фонари фургона наконец погасли; уборщик выехал на шоссе прямо за трейлером и покати́л следом.

– Тогда вы и заподозрили, что он – Ангел Смерти?

– Нет. Парень явно был мутным, но тогда я все еще думала о вуайеристе, а не о маньяке-убийце. Решила, что он увязался за ними, потому что хочет еще подро́чить, а может быть, надеется украсть трусики или собачью игрушку.

На следующее утро я вышла к машине, чтобы ехать в школу, а за рулем – сам сеньор Диас, чего раньше никогда не было.

«Что случилось? – спросила я. – Вознесение живьем на небеса?»

«Ангел Смерти, – сказала Карлотта. – Вчера он похитил очередного малыша прямо возле Модесто».

Модесто находился севернее, туда же уехал трейлер. Этого было достаточно для подозрений, но лампочка озарения не зажигалась, пока Карлотта не сказала: «Зацени. На этот раз он не просто забрал ребенка. Он еще и собаку малыша убил».

«Собаку? – переспросила я. – А какой породы?»

«Не знаю, большой, наверное. Думают, что собака пыталась защитить пацана, вот ангел ее и распотрошил».

«А как насчет мальчика? Уже нашли его тело?»

«Да».

«Где?»

Карлотта выглядела возбужденной: «Сама увидишь».

В полумиле от школы мы попали в пробку. Такого тоже прежде не случалось – в это время дорога обычно была пуста, но когда я увидела впереди свет мигалок, то все поняла.

«Полиция штата нашла его около двух часов ночи, – сказала Карлотта. – Миссис Запатеро из мотеля поздно возвращалась от своей сестры и видела, как оцепляли место преступления. Она сказала, что ребенка разложили на столе для пикника, словно для жертвоприношения».

Когда мы приблизились к развороту, Карлотта и я опустили окна и высунулись, надеясь разглядеть труп. Сеньор Диас отшвырнул нас обратно в машину и дал каждой по затрещине. «Проявите хоть какое-то уважение! – потребовал он и добавил, обращаясь к Карлотте, – Понимаешь теперь, почему я не хочу, чтобы ты ходила пешком?»

– Вы рассказали сеньору Диасу об уборщике?

– Нет. Знаю, что должна была, но разозлилась за то, что он меня ударил. Кроме того, рассказать о том, что видела, значит объяснять, как же так вышло, что я это видела, а он бы не оценил мое желание накуриться. Нужно было время, чтобы придумать подчищенную историю – такую, что годилась бы для допроса.

А пока я решила сама кое о чем поспрашивать. Когда мы наконец добрались до школы, я спросила об уборщике у библиотекарши. Та мало что знала. Звали его то ли Уитмер, то ли Марвин, а, может быть, Мартин. Он, как и я, новичок, по слухам, до этого работал в другой школе, но в какой, она сказать не могла.

«То есть вы не знаете, была ли та школа рядом с шоссе?»

«Нет, дорогая».

Я поблагодарила ее и села. Тут Карлотта и вцепилась в меня: «Что тебе за дело до уборщика?»

«Да просто так», – ответила я.

«Черта с два – просто так. Я не такая дура, как Фелипе».

«Ладно, не просто так. Но давай не сейчас». Я не думала, что Карлотте есть дело до травки, по крайней мере, не настолько, чтобы мне за это нервы мочалить, но ей будет дело до того, что я ходила в закрытое крыло без нее.

Конечно, теперь она на меня все равно разозлилась: «Что значит, не сейчас? С каких пор у нас тайны?»

«Карлотта... Это не совсем тайна, это...»

«Ты спросила про шоссе, – сказала она. – Думаешь, уборщик имел какое-то отношение к убитому мальчику?»

Отличная догадка; возможно, и в близнецах Боббси был толк.

«Да, так я и думаю».

«Но почему? Что случилось? Ты что-то видела?»

«Я же сказала, что не сейчас... Слушай, Карлотта, обещаю, потом расскажу тебе, ладно? Но сперва... Мне нужна твоя помощь. Сегодня после школы я хочу обыскать фургон уборщика, и надо, чтобы ты постояла на стреме».

Я это лягнула, просто чтобы время потянуть, но потом задумалась и поняла, что план неплохой. Если в фургоне найдутся улики, я могла бы выдать уборщика и забыть об остальном.

– Разве не пришлось бы объяснять свое желание обыскать фургон?

– Ну, в том-то и прелесть: найди я доказательства, что он серийный убийца, люди бы так обрадовались, что приняли бы любые объяснения. Я могла бы сказать, что у меня было предчувствие, и даже Карлотта, наверное, купилась бы.

Поэтому после окончания уроков, вместо того чтобы вернуться в библиотеку, мы пошли в вестибюль и стали ждать, когда ученики разойдутся. Вот уже ушел последний, появился уборщик, толкая в глубь здания тележку с мусорными пакетами.

«Что думаешь?» – спросила я Карлотту, когда он отошел подальше.

«Думаю, что это не такая уж и умная затея, Джейн. Что, если он правда Ангел Смерти? Еще поймает тебя...»

«Не поймает. Просто оставайся здесь, и если увидишь, что он возвращается, высунься наружу и что-нибудь заори».

«И что я должна орать?»

«Что угодно, только не мое настоящее имя». К этому времени учителя уже разъехались, и, кроме «фольксвагена» библиотекаря, на парковке остался только фургон уборщика. Это была грузовая машина с глухими боковыми панелями, а окошки в задних дверях были маленькими и тонированными, в такие ничего не разглядишь. «Добавьте немного звукоизоляции, – подумала я, – И она идеальна для похищений».

Дверцы были заперты, но, как и Нэнси Дрю, я подготовилась: во время обеда украла вешалку из шкафа в учительской. Я сунула ее в щель окна и крутила, пока не щелкнул замок.

Внутри фургона пахло чистящими средствами. Меня сразу поразило, насколько там было прибрано. Конечно, ничего странного в том, что уборщик двинут на аккуратности, но все-таки: приборная панель была абсолютно чистой, без хлама, который обычно на ней валяется, ни на полу, ни под сиденьями не было и клочка мусора. В бардачке лежали только документы на машину.

В задней части фургона – та же история. На полу было расстелено покрывало, словно его недавно вынули из стиральной машины, а в углу аккуратно стоял серый ящик для инструментов. А в остальном чистота – ни бумажек, ни даже оберток от жвачки.

– Вы заглянули в ящик?

– Да. Я уже почти сдалась – ясное дело, уборщик не из тех парней, что разбрасывают кругом куски тел, но решила быть основательной.

Покрывало хрустнуло, когда я на него наступила. Я присела на корточки и приподняла уголок, под ним лежал двойной слой полиэтиленовой пленки. А еще там оказался набор ремней для багажа, которыми удобно связывать.

Я уложила покрывало на место и повернулась к ящику для инструментов. На нем висячий замок; вешалка тут не помогла, но у меня было несколько скрепок разного размера, и одна из них вполне подошла. Я взломала замок и подняла крышку.

– И? Что было внутри?

– Инструменты. Для затравки – пара наручников; толстый рулон изолянты; перчатки. А еще четыре комплекта плоскогубцев, три ножа для колки льда и петля из струны для пианино.

Ах да, еще одно – охотничий нож. В фут длиной, с зазубренным лезвием. Как и все остальное, он был до блеска начищен и пах, словно его вымачивали в моющем средстве, но когда я присмотрелась, заметила волоски, прилипшие к рукояти. Золотистые волоски. Я не могла сказать, человеческие они или собачьи, но была уверена, что в полиции определят.

«Попался», – произнесла я и вдруг услышала снаружи шаги.

Секунду я надеялась, что это всего лишь Карлотта заскучала на стреме и пришла помочь с обыском, но потом услышала звон ключей и поняла, что попала в беду. Вывоз мусора, наверное, последняя на тот день работа уборщика; и вместо того, чтобы пройти через здание, как ожидалось, он обошел кругом, минуя моего часового.

Пока он возился с ключами, я уложила нож в ящик и приготовилась бежать. Но когда потянулась к ручке задней двери, выяснила, что той просто нет.

Уборщик открыл дверь. Я застыла. Сидела вся на виду, ни малейшего шанса, что он меня не заметит.

И тут Карлотта закричала с крыльца школы: «Гваделупа!»

Уборщик замер и стал смотреть, кого она там зовет. Это дало мне лишние секунды. Я сделала единственное, что могла: съезжилась прямо за водительским сиденьем.

Уборщик сел за руль. Я скрестила пальцы, чтобы он немного потусовался на месте и, возможно, дал Карлотте возможность пострелять апельсинами в крышу фургона, но не тут-то было: быстрее, чем вы смогли бы сказать «Гваделупа!», мы оказались на шоссе. Уборщик снова ехал на север, подальше от Сиеста Корта.

Мне не было видно ничего снаружи, так что я убивала время, разглядывая ящик с инструментами. Хотя крышка и была закрыта, но запереть ее я забыла, и на каждом ухабе она грозила распахнуться и выплюнуть все содержимое. Кроме того, замок остался лежать на самом виду, на покрывале, и я все ждала, что уборщик заметит его в зеркало заднего вида и остановится, чтобы разобраться с этим делом.

Через пятнадцать миль он все-таки остановился. Я вытянула шею так высоко, как только посмела, пытаясь сообразить, не приехали ли мы на бензоколонку или в какое-то другое место, где меня услышат люди, если закричу. Но, похоже, мы были в очередном месте для пикников.

Уборщик дернул ручной тормоз и заглушил двигатель. Наружу он не пошел. Только опустил стекло, покопался в карманах и раскурил косячок.

Сегодня я ему не завидовала. Пусть хоть всю дурь выкурит; пока он не оборачивается и не убивает меня, я совершенно спокойна.

На шоссе девяносто девять гудели машины. «Ну же, офицер Дружески, – думала я, – пусть уже сработает твой детектор порока...» Движение стихло, послышались новые звуки – голоса.

– Голоса приближались к фургону?

– Нет, звучали вдалеке. Голоса мальчишек, крики, споры, как на спортивной площадке. Затем я услышала деревянный стук! И подумала: «Поле для бейсбола» и еще: «Вот дерьмо!»

Я ведь действительно не хотела умирать, понимаете? Но не думала, что смогу просто отсидеться, если уборщик опять примет свои обезьяньи крики издавать. Решила, что, когда дойдет до этого, мне, вероятно, придется ударить его по голове ящиком для инструментов.

Но он держал ширинку застегнутой. То ли беспокоился, что место слишком открытое, то ли копил впечатления про запас. Как бы там ни было, он просто сидел и смотрел, скурил сначала косяк, потом с полдюжины сигарет.

Наконец ему надоело, и он снова завел двигатель. Фургон проехал еще три-четыре мили по шоссе, а потом повернул на проселочную дорогу. Дорога была плохая, и крышка ящика с инструментами снова начала подпрыгивать, и, чтобы все стало еще волнительнее, мы поехали в гору, так что из-под меня начал выскальзывать коврик. Пришлось вцепиться в сиденье водителя и держаться изо всех сил.

Мы сделали последний разворот, уже по гравию, и въехали в гараж. Уборщик припарковался и вышел. У меня адреналин зашкалил, когда этот тип обошел фургон, но он просто протопал мимо, позвякивая ключами. Раздался гул электромотора, дверь гаража захлопнулась, еще разок звякнули ключи, скрипнула другая дверь, и она закрылась со стуком. И, невероятное дело, я осталась одна. Он и близко не был к тому, чтобы меня обнаружить.

Я поползла обратно к ящику с инструментами и достала нож. Подумывала забрать все, но не хотела себя перегружать, неизвестно, как далеко пришлось бы убежать. Я полагала, что нож – самое важное доказательство, не говоря уже о том, что самое полезное, если меня загонят в угол.

Я вылезла из фургона со стороны пассажирского сиденья и принялась искать кнопку, которая открывала двери гаража. Найти не смогла, вместо нее на стене была небольшая металлическая панель с замочной скважиной. Я схватила одну из своих скрепок и парой ловких движений сломала ее в замке.

Вот же дерьмо. Быстро осмотрела дверь гаража и поняла: чтобы пробить ее, понадобится суперсила. Я всерьез прикидывала протаранить ее фургоном, но тот выглядел не настолько крепким, чтобы выдержать столкновение, да и моих навыков мелкой шпаны не хватило бы на то, чтобы замкнуть два провода и завести движок.

Я решила улизнуть через дом. Ужасно. Теперь, с испорченными гаражными дверями, мне нужно выбраться до того, как уборщик решит съездить поужинать или поглядеть на какую-нибудь игру Школьной Лиги.

Я прижала ухо к двери, ведущей в дом, и, не услышав с той стороны тяжелого дыхания, нажала на ручку. Ожидала, что замок окажется заперт, прочих трудностей в том же духе, но, думаю, уборщик не был фанатом полнейшей безопасности. Ручка повернулась, и я приоткрыла створку.

Где-то в доме текла вода. Я открыла дверь пошире, оказалось, хозяин принимал душ.

Я не могла поверить своей удаче. И не поверила: выскальзывая за дверь, держала нож наготове.

Я оказалась в маленькой нише, оборудованной стиральной машиной и сушилкой. Ниша выходила в кухню. Слева от меня был еще один дверной проем, который вел в спальню, а из той можно было попасть в ванную. Я топталась в дверях спальни, подслушивая.

Уборщик точно был в душевой кабинке – сами догадайтесь, как я это поняла. Мой нос сморщился от отвращения, но в то же время я расслабилась, уверенная, что, по крайней мере, несколько минут я буду в безопасности.

Облегчение сделало меня душой. Вместо того чтобы бежать к входной двери, я принялась шнырять вокруг, открывая ящики и шкафы. Я закончила с кладовкой, обменялась взглядами с кроликом Триксом⁷, когда на кухонном столе зазвонил телефон.

Словно охранный сигнал включился. Я в панике уронила нож и схватила трубку, прежде чем раздался еще один звонок. Вода продолжала течь. Я прижала трубку к уху и сказала: «Алло?»

⁷ Кролик Трикс – персонаж бренда General Mills, производящего сухие завтраки.

Там сначала была тишина, потом несколько резких щелчков, и мужской голос произнес: «Джейн Шарлотта».

Это наверняка был уборщик. Он меня обдурил. Все это время он забавлялся, позволяя думать, что не заметил меня. Звуки из душа, наверное, какая-то запись, чтобы внушить мне фальшивое чувство безопасности. Но игра окончена, сейчас он велит мне обернуться, а сам окажется прямо за спиной, а потом я умру.

Но тот голос в телефонной трубке сказал: «Ты же не хочешь застрять там, Джейн. Он – злая обезьяна».

А затем голос исчез за треском помех, или это я так завизжала, а в следующее мгновение уже оказалась на улице, вопя во весь голос.

К дому уборщика подъезжали две полицейские машины. Следом за ними остановился пикап Фелипе, а в нем сам Фелипе, Карлотта, сеньор Диас и школьная библиотекарьша.

Из первой машины вышел полицейский, я бросилась прямо к нему, крича: «Это Ангел Смерти! Это Ангел Смерти! Уборщик – Ангел Смерти!» Полицейский схватил меня за плечи и попытался выяснить, что случилось, но я только кричала: «Он – Ангел Смерти!»

Остальные копы выхватили пистолеты и окружили дом. Они были почти у самой двери, когда им навстречу вышел уборщик, все еще мокрый после душа, в футболке и боксерских шортах. Я уже начала немного успокаиваться, но, когда увидела его, снова разум потеряла, и с криком «Злая обезьяна!» прижалась ближе к патрульным машинам.

Копы взяли уборщика на прицел и велели ему поднять руки, что он и сделал. Скользкий тип. Вместо того чтобы выглядеть напуганным, он изображал растерянность, словно был таким невинным парнем, который и представить не может, что полиция делает на его земле.

На него надели наручники. «Ну же, – уговаривал меня главный полицейский. – Все в порядке, мы его взяли. Поговори со мной». Я начала лепетать что-то об охотничьем ноже, наконец коп кивнул, сказал: «Ладно, просто постой тут» и вошел в дом.

Семейство Диас встали вокруг меня, как защитный барьер. «Ты в порядке, Джейн? – спросила Карлотта. – Он тебе ничего не сделал?»

Я покачала головой: «Просто дико напугал... Но теперь все в порядке».

Только ничего не было в порядке. Я начала это понимать, едва коп вернулся не с тем ножом.

«Этот?» – уточнил он, протягивая маленький кухонный ножик с пятидюймовым лезвием.

«Нет, – ответила я. – Сказала же, охотничий. Большой».

«Покажи мне». Он проводил меня в дом. Охотничий нож исчез. Когда я указала место на полу, где уронила его, полицейский произнес: «Здесь я и нашел это, – и снова показал нож для стейка. – Ты уверена, что не ошиблась?»

«Конечно, уверена, – раздраженно ответила я. – Уборщик, наверное, спрятал настоящий нож перед тем, как выйти наружу». Затем мне вспомнился ящик с инструментами: «Погодите-ка... Сюда!»

Привела копа в гараж, к фургону. «Внутри, – сказала я. – Вам, наверное, понадобятся ключи...» Но задние двери оказались не заперты. Коп открыл их.

«Итак, – произнес он, – что я должен увидеть?»

Багажник фургона был пуст. Ни покрывала, ни полиэтиленовой пленки, ни ремней, ни ящика для инструментов.

«Черт возьми! – сказала я. – Он, наверное, и это барахло спрятал».

«Какое барахло?»

«Свое снаряжение для похищений».

«Снаряжение, да? – У копа изменилось выражение лица, и мне это совсем не понравилось. – И ты думаешь, он собрал это... снаряжение... и спрятал его, когда мы приехали?»

«Раньше барахло было тут, а теперь нет. Так что да. А что не так-то?»

«Ничего. Только тебе не кажется, что ему пришлось бы бегать очень быстро?»

«Слушайте, я не сочиняю».

«Я не говорил, что ты сочиняешь. С чего бы мне так думать?»

Тогда мне стоило просто закрыть рот. Дело в том, что он был прав: уборщику пришлось бы действовать очень быстро, а значит, он не смог бы хорошо спрятать свои вещички. Уверена, я бы их нашла.

Но коп посмотрел на меня тем же взглядом «я-насквозь-вижу-твой-треп», что и офицер Дружески, – только этот, знаете ли, не был таким уж дружелюбным, – поэтому я не только не заткнулась, но и подняла тему, которую не стоит упоминать, если хочешь, чтобы тебе поверили.

«Принюхайтесь, чувствуете запах?» – сказала я.

«Запах?»

«Внутри фургона. Понюхайте».

Он наклонился и понюхал: «Освежитель воздуха?»

«Травка».

Его брови поднялись: «Марихуана?»

«Уборщик курит».

«В самом деле? Никогда не подумаешь, глядя на него».

«Не для кайфа, – сказала я. – В смысле, и для него тоже, но он курит, чтобы возбудиться. Прежде чем...»

«А! Ты имеешь в виду, прежде чем он использует свое снаряжение для похищений... А тебе знаком запах марихуаны, да?»

Тут все начало расти как снежный ком. Чем скептичнее он выглядел, тем больше я говорила; когда он спросил, что вывело меня на уборщика в первый раз, я на самом деле сказала правду или, по крайней мере, сказала достаточно, чтобы выставить себя полной идиоткой. «Обезьяньи крики, да? Что ж, я понимаю, почему ты отнеслась с подозрением к человеку, который кричит, как обезьяна...»

Чтобы окончательно меня унизить, он вывел меня на улицу и спросил Карлотту, знает ли она что-нибудь про эти обезьяньи крики.

«Обезьяньи чего?» – спросила Карлотта.

«Так я и думал», – сказал полицейский и велел своим приятелям снять с уборщика наручники.

Мой болтливый язык не мог уняться: «Вы его отпускаете?»

«Беспокойся о том, отпущу ли я тебя, – ответил полицейский. – Если этот джентльмен захочет выдвинуть обвинение в нарушении границ частных владений, я с радостью тебя арестую».

Но уборщик, все еще изображая невинность, сказал, что не хочет выдвигать обвинений – он просто хочет понять, что происходит.

«Всего лишь недоразумение, сэр, – ответил ему полицейский и поглядел на меня, – которому лучше бы не повторяться».

Диасы отвезли меня домой. Сеньор Диас заставил меня ехать в кузове пикапа, и я особо не возражала, поскольку они с Карлоттой всю дорогу громко спорили на испанском; когда мы притормозили у школы, чтобы высадить библиотечаршу, та выползла из кабины бледная и наполовину оглохшая. Затем мы добрались до моего дома, и сеньор Диас спокойно побеседовал с тетей и дядей. Мне и подслушивать было не надо, чтобы понять – с этой минуты я езжу в школу на автобусе.

После ухода Диасов дядя сказал, что «будет лучше», если я больше не стану ходить в закусочную или на заправку, а тетя добавила, что «какое-то время» им не понадобится моя помощь в магазине, и это означало, что я наказана. Я всерьез разозлилась и начала болтать о том, как глупо мне не верить, и что не будет моей вины, если уборщик прибьет еще какого-

нибудь ребенка. Но они только головами покачали и оставили меня рвать и метать в одиночестве.

Была пятница, целые выходные у меня ушли на жалость к себе. Понедельник оказался чуть лучше – я проспала лишние полтора часа, что морально восполнило вынужденную поездку на автобусе. До второго урока английского мы с Карлоттой не виделись. Но во время занятий она меня игнорировала, пришлось на перемене выбежать в коридор, чтобы догнать ее.

«Я не должна с тобой разговаривать, Джейн, – сказала она. – Папа считает, что ты плохо на меня влияешь».

«Так и есть. И это одна из причин, по которой я тебе нравлюсь».

Шутка вышла плоской, но, по крайней мере, моя подруга не ушла. Через секунду она спросила: «Ты слышала про уборщика?»

«А что с ним?»

«На выходных он уволился. Библиотекарша сказала мне, что он позвонил директору и сказал, что уходит».

«Уходит, типа переезжает?»

«Думаю, да».

«Разве ты не понимаешь, что это значит? Он виновен! Хотя полицейские его и отпустили, он боится, что о нем вспомнят, если еще один ребенок пропадет».

«Возможно, – сказала Карлотта. – Или, может быть, он боится, что люди поторопятся с выводами, когда услышат, что к нему приезжала полиция».

«Карлотта, клянусь, я ничего не сочинила».

«Ну, теперь это уже не важно, да? В смысле, если он и правда уехал навсегда, – она посмотрела на меня. – Будь осторожна, пока мы точно это не выясним, ладно?»

Мне уже приходило это в голову. В ту пятницу, когда мы покидали дом уборщика, я поймала на себе его взгляд. Полицейские уже сидели в машинах, Фелипе разгонял пикап, а я оглянулась и увидела, что уборщик все еще стоит в дверях в нижнем белье и разглядывает меня. Растерянность на его лице исчезла, и появилось новое выражение.

– Неприязнь?

– Нет. Никаких эмоций. Он был просто... внимательным. Как будто хотел убедиться, что узнает меня при следующей встрече.

Этого хватило на несколько недель ночных кошмаров. В снах он подъезжал к нашему дому после полуночи, выключал фары и сидел, куря травку и глядя на окно моей спальни. Иногда просто сидел, придумывая, как поквитаться со мной, а иногда расхаживал снаружи дома, отыскивая способ войти. Однажды ночью я проснулась в поту, уверенная, что слышала отъезжающий фургон, а когда выглянула в окно, учуяла запах марихуаны.

А еще мне снился голос, который я слышала по телефону на кухне уборщика. Когда я проснулась, то выбросила это из головы – не то чтобы забыла, но это было до того странно, что я притворилась, будто ничего не помню. Но голос попал в мои сны и там был вовсе не страшным. Чудилось, как в темноте я сжимаю телефонную трубку, окаменевшая, потому что уборщик пришел по мою душу, а потом голос произносит мое имя: «Джейн Шарлотта», и сразу волна облегчения, ведь я откуда-то знаю, что голос добрый и он на моей стороне, на стороне всех добрых людей. А еще, что он сильнее Ангела Смерти.

Так что несколько недель мне без конца снилась такая фигня, а потом все реже и реже. Уборщик ко мне не заявлялся, никто в школе или в городе его не видел, дети не пропадали, и, хотя я была уверена, что парень виновен, это все больше и больше казалось чужой проблемой.

Однажды вечером тетя и дядя поехали во Фресно повидаться с друзьями. Изначально я должна была отправиться с ними, я бы смотрела кино, пока они играют в бридж или что-то в таком роде, но накануне меня поймали за списыванием теста, и, когда после уроков директор

позвонил и сдал меня, тетя начала говорить не «когда мы поедем завтра вечером», а «когда я с твоим дядей поеду завтра вечером».

Они ушли около шести. С запада набежали грозовые тучи, а я ужасно разозлилась и надеялась, что родня попадет под ливень. К семи небо совсем потемнело и на горизонте замерцали молнии, но дождь так и не полил.

Я прочла несколько глав из Нэнси Дрю – большую часть серии уже проглотила, приходилось растягивать то, что осталось, – потом съела кусок мясного рулета, который тетя оставила мне в холодильнике. Вымыла тарелку и села за кухонный стол разгадывать кроссворд из «Пчелы Фресно». Еще одно дело в стиле Фила, за которое, хоть вы мне заплатите, я не взялась бы в Сан-Франциско. Но телевизора не было, Нэнси Дрю заканчивалась, а сеньор Диас вешал трубку каждый раз, когда я пыталась позвонить Карлотте, так что пришлось снижать стандарты развлечений.

Это был кроссворд со скрытыми сообщениями, которые иногда печатали в газете: некоторые подсказки выделялись, и, если их разгадать и собрать вместе, получалось высказывание или цитата. Например, СОЛНЦЕ КРАСНО ПО УТРУ – МОРЯКУ НЕ ПО НУТРУ или ВСЕ, ЧТО НЕ УБИВАЕТ, ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ. Обычно подсказки были достаточно сложными, приходилось решать кроссворд целиком, но иногда, как в тот раз, их можно было разгадать сразу.

Первый подчеркнутый ключ – один по горизонтали, восемь букв, «Закрывшийся конкурент журнала „Жизнь“». Я знала, что это журнал «ПОСМОТРИ». Вторая подсказка – девять по горизонтали, три буквы, «Противоположно над». То есть ПОД. Эта была настолько легкой, что я чуть не рассмеялась.

Раздался раскат грома, и наконец начался дождь. Это был тот самый ливень, которого я и хотела для некоторых, но, вместо того чтобы обрадоваться, я забеспокоилась. Сходила к входной двери, включила свет над крыльцом и долго смотрела наружу, чтобы убедиться, что это и правда дождь, а не звук шин на подъездной дорожке.

Следующая подсказка была единственной, справиться с которой не получалось: двадцать по горизонтали, пять букв, «Где спрятан пистолет ЕП».

– Пистолет ЕП?

– Заглавная «Е» и заглавная «П». Я подумала, что это, возможно, опечатка, поэтому перешла к следующей подсказке – двадцать четыре по горизонтали, пять букв, «подруга Тарзана». У меня кожу на голове покалывало от такого начала, но последняя подсказка заставила волосы дыбом встать – тридцать один по горизонтали, восемь букв, «Сирота Бронте».

Обычно мне бы на такое не ответить, но как раз в ту неделю мы на уроках читали «Джейн Эйр», и учитель вкратце рассказал о несчастной судьбе семьи Бронте, так что я знала, что «сирота Бронте» – это ШАРЛОТТА. После того как Бранвел, Эмили и Энн умерли, Шарлотта осталась одна, одна в своем доме, вроде как и я тогда. То есть, если собрать все разгадки вместе, получалось...

– ПОСМОТРИ ПОД пробел ДЖЕЙН ШАРЛОТТА.

– Ага. И то ли пробел меня подстегнул, то ли потому, что она была у меня за спиной, но я вдруг поняла, что недостающее слово – МОЙКА.

На тетиной кухне была здоровенная мойка. «Хоть свинью в ней режь», – сказал однажды мой дядя, и как-то так сказал, словно это не просто оборот речи. Под мойкой было огромное пространство, и несколько лет назад, когда мы тут гостили, Фил залез туда во время прятков и разбил голову о трубу. Так что из-за мыслей о зарезанной свинье и воспоминаний о крови, стекающей с лица брата, я не жаждала совать туда свой нос.

Но, конечно, нужно было посмотреть. Я твердила себе, что это просто совпадение, не могло же сообщение в кроссворде касаться лично меня. Может, «Посмотри под мойкой, Джейн Шарлотта» – строчка из Шекспира.

Ну, я открыла шкаф, а там ничего, кроме обычного барахла, которое хранят в таких местах. Выходит вроде как совпадение. Но потом я подумала: «Погоди, не будут же это класть рядом с полиролью для серебра» и начала шарить между стеной и чашей мойки. Сначала была только пустота, но потом мои пальцы коснулись чего-то шершавого. Сверток.

Кусок мешка из-под картошки, перевязанный веревкой. Я вытащила его и развернула. Это оно и было.

Пистолет, похожий на игрушечный. Ярко-оранжевый, с широким стволом, сделанный как будто из пластика. Хотя тяжелый и холодный. Вот я и решила, что это, наверное, водяной пистолет. Но в основании рукояти не оказалось резиновой пробки, только пластина с гравировкой «ЕП».

Сбоку были еще метки. Возле основания ствола, рядом со спусковым крючком, оказалась круглая шкала с четырьмя делениями. Одно – «Безопасно» маленькими зелеными буквами, следующее – «НЛ» синими, последние два, помеченные темно-красным, – «ИИ» и «ИМ». Тогда пистолет был переключен на ИМ.

Я сделала то, что традиционно делают подростки, найдя оружие, заглянула в дуло. Оно было реальнее всего остального в пистолете, так что я решила на курок не нажимать. Вместо этого огляделась в поисках одной из кошек моей тети. Но те догадались разбежаться. И прежде чем я нашла новую мишень, свет в доме погас.

Несколько секунд я оставалась на удивление спокойной. Потом снаружи вспыхнула молния, и в окне над мойкой возник силуэт, которого там не должно быть. В следующую вспышку я разглядела его получше: в апельсиновой роще за домом стоял фургон с выключенными фарами.

Кто-то огромный прошел через заднее крыльцо и промелькнул в окне – говорю «кто-то», но я, конечно, догадалась, кто это и для чего он здесь. Он направился прямо к двери, которая была заперта на хлипкий замок, и ударил по ней со всей дури, реально, будто молотом. Я почувствовала, как задрожал косяк. Последовала пауза, а потом он начал трясти ручку, будто вырвать ее хотел.

К этому моменту я чуть не обделалась со страху. У меня все еще был пистолет, но я считала его игрушкой и чуть не выбросила в раковину, решив бежать.

И тут зазвонил телефон – что за чудесный звук! Уборщик тут же перестал гроыхать дверной ручкой. Телефон все звонил и звонил, я метнулась к нему, боясь, что трель умолкнет раньше, чем я успею, и в дверь снова начнут ломиться. Я ударила коленом о стул, а боком врезалась в угол кухонного стола, но пистолет не выпустила.

На седьмом звонке я схватила трубку: «Алло?..»

«Джейн Шарлотта».

«Не знаю, кто вы, – зашептала я, – но спасите меня. Ваша злая обезьяна прямо у двери».

«Нет, – ответил голос. – Он уже в доме».

В кабинете моего дяди скрипнула доска.

«Без паники, – посоветовал голос. – Он не ждет, что ты вооружена. Просто держи пистолет обеими руками».

Я повесила трубку. От телефона до входной двери было около дюжины шагов, но мои ноги коснулись пола раза два.

Дверь не открылась даже после того, как я вспомнила, что надо ее отпереть. Что-то – наверное, один из стульев с веранды – зажало ручку с обратной стороны.

Позади меня снова скрипнула доска: гад шел по коридору. Я развернулась и подняла пистолет, когда проем кухонной двери заслонила темная фигура.

Пистолет ЕП стреляет бесшумно. Тогда я этого не поняла, потому что вместе с выстрелом очень близко сверкнула молния и одновременно гроыхнул гром. Кухню заполнил звук и свет, такой яркий, что сам уборщик, казалось, начал светиться, как настоящий ангел. Ангел

с пылающим ножом в одной руке и проволочным нимбом в другой. Я заорала, он заорал и, едва молния погасла, упал.

В темноте раздался удар тела об пол. Я еще раз прицелилась и нажала на курок, но во второй раз даже щелчка не было.

Дождь прекратился. Гроза уходила, и скоро электричество снова включилось. Я смогла разглядеть уборщика, он неподвижно растянулся в дверном проходе. Просто мужчина, глаза остекленевшие, а на лице новое выражение.

– Предположу, что он выглядел удивленным.

– Ну, в эту часть истории немного сложно поверить.

– Действительно.

– Вы знаете, обычно, если пристрелишь в своем доме злодея, особенно серийного убийцу, бежишь звонить в полицию.

– Правильно.

– Или просто убегаешь к соседям.

– Правильно.

– Правильно. Но я не сделала ни того ни другого.

– А что вы сделали?

– Пошла прилечь. Парень же был мертв – я пару раз пнула его, чтобы убедиться, – так что вызывать копов было не к спеху. И почувствовав себя в безопасности, я решила ненадолго прилечь. Подумала, что через несколько часов вернутся тетя с дядей, там и разберемся.

Так что я поднялась в свою комнату. Забаррикадировала дверь комодом, на всякий случай, и легла. Пистолет ЕП сунула под подушку. Глаза закрыла.

А когда снова открыла, наступило утро. Дверь в мою спальню была широко распахнута, и я слышала, как тетя готовит на кухне завтрак. Я встала, спустилась вниз и остановилась в проеме, где вчера лежало тело уборщика.

«Доброе утро, соня, – сказала тетя. – Хочешь яичницу с беконом?»

Дверь на веранду тоже была открыта, и я увидела на заднем дворе дядю, который ходил вокруг дерева, разбитого молнией.

«Не спеши с беконом, – ответила я. – Скоро вернусь».

Я побежала наверх и заглянула под подушку.

– Оружие тоже исчезло, не так ли?

– Да. Но на его месте осталось кое-что. Монетка. Возможно, подарок от Пистолетной феи.

Монета размером с четвертак, но толще и тяжелее. Похожая на золотую. С обеих сторон было одинаковое изображение – полая пирамида с сияющим внутри глазом, знаете, вроде тех, что на банкнотах. По краю были три слова: OMNES MUNDUM FACIMUS.

– Моя латынь порядком заржавела. «Mundum» означает «мир»?

– Да. Я взяла латинский словарь в школьной библиотеке. «Omnes» – это «все мы», а «facimus» – это «созидать» или «делать», поэтому «omnes mundum facimus» – это типа «Мы все создаем мир». Так оно переводится, а смысл более путанный. Головоломка, понимаете? Своего рода тест на пригодность, как скрытое сообщение в кроссворде, только намного сложнее, поэтому мне потребовалось куда больше времени, чтобы его сдать.

– И сколько времени?

– Двадцать два года.

белая комната (II)

В следующий раз доктор заходит в комнату со второй папкой улик, еще более пухлой, чем предыдущая.

– Проверяли мою историю? – догадывается женщина, а он раскладывает бумаги на столе в три аккуратные стопки.

Тот кивает:

– Я не люблю конфликтовать с пациентами, но считаю, что в тюремной психиатрии агрессивная тактика на ранней стадии может быть весьма полезной.

– Чтобы отделить мошенников от по-настоящему больных на голову? – забавляется она. – И каков же приговор?

Он придвигает к ней первую кипу доказательств.

– Это отчет, отправленный в офис шерифа округа Мадера в октябре семьдесят девятого года. Человек по имени Мартин Уитмер был найден мертвым в своем фургоне в придорожной канаве за пределами Фресно. Уитмер работал уборщиком в средней школе, но уволился после того, как неизвестный ученик объявил его убийцей с трассы девяносто девять.

– Ну вот. Как я и говорила.

– Не совсем, – он переворачивает страницу из нижней части стопки. – Там нет упоминаний о пулевом ранении. Мистер Уитмер умер от инфаркта.

– Да, знаю. Я же сказала, что стреляла из пистолета ЕП.

Доктор задумывается:

– «ЕП» означает «Естественные Причины»?

– Точно. Извините, думала, что это очевидно.

– Пистолет, стреляющий сердечными приступами.

– Инфаркт миокарда, – говорит она, постукивая пальцем по строчке о причине смерти в протоколе вскрытия, – ИМ. А деление шкалы ИИ для ишемических инсультов. Инфаркт и инсульт – главные убийцы злых обезьян... – улыбается она. – Что еще у вас есть?

Он пододвигает вторую стопку, в которой всего два листа отсканированных газетных страниц. Это статья из «Обозревателя Сан-Франциско» с вопрошающим заголовком «СЛОЖИЛ ЛИ КРЫЛЬЯ АНГЕЛ СМЕРТИ?»

– «Прошло шестнадцать месяцев с того, как серийный убийца с трассы девяносто девять похитил свою последнюю жертву, – читает она вслух, – полиция штата начала надеяться, что так называемый „Ангел Смерти“, личность которого остается загадкой, возможно, ушел в отставку...» Да, видите, говорила же, что копы мне не поверили. Поэтому даже после того, как уборщик умер, они продолжали думать, что Ангел все еще где-то рядом.

Доктор показывает на обведенный абзац ниже на той же странице:

– Продолжайте читать.

– «Тринадцатилетний Дэвид Конович, мальчик, который, как полагают, был восьмой и последней жертвой Ангела Смерти, исчез с бензоколонки Бейкерсфилда двенадцатого декабря тысяча девятьсот семьдесят девятого года...»

– Декабря, – говорит доктор. – Через два месяца после того, как Уитмер был найден мертвым.

– Вы уверены, что в газете не перепутали дату?

Он придвигает последнюю стопку документов:

– Доклад шерифа о похищении Дэвида Коновича. Дата совпадает. И когда тело мальчика обнаружили, оказалось, что его пытали и задушили так же, как и всех остальных жертв «Ангела Смерти». И что это нам говорит?

– Не знаю.

– Да ладно вам, Джейн.

– Хотите сказать, что Уитмер не мог быть Ангелом Смерти, так, что ли?

– Разве это не кажется логичным выводом?

– Нет.

– Почему же нет?

– Потому что он был Ангелом Смерти.

– Ну, если так, то как вы объясните последнюю жертву?

– Никак.

– То есть не можете.

– Это проблема странствий, – говорит она.

– Проблема странных?

– Проблема странствий. Ну, Нод – Земля странствий, к востоку от Эдема. В Библии.

– Я понял отсылку, но...

– Каин убивает своего брата Авеля, – говорит она, – и в наказание Бог заставляет его блуждать по пустыне. Каин оказывается в Нод, Земле странствий, где поселяется и женится. Тут-то и проблема: по логике, Адам и Ева – первые люди, и, насколько мы знаем, Каин с Авелем – их единственные дети. Так откуда же взялась эта жена?

Сейчас люди, которые не верят Библии, предпочитают думать, что проблема Нода – это нечто особенное. Например, парень, с которым моя мать пару месяцев встречалась, – Роджер, он был совершенно бешеным атеистом и часто задирал Фила...

– Ваш брат был религиозен? – спрашивает доктор.

– В стиле маленьких мальчиков. Мать воспитывали в лютеранстве, и хотя сама она не была верующей, но нас отвела в церковь, думала, это на пользу пойдет. Я перестала туда ходить, когда стала достаточно взрослой, чтобы сказать «нет», но Фил действительно втянулся. Читал молитвы каждый день. Так вот, появился Роджер, и он постоянно насмехался над Филом из-за нестыковок в Писании. «Эй, Фил, в Евангелии говорится, что Иуда повесился, потому что сожалел о предательстве Христа. А в Деяниях – что Иуде не было жаль, и он умер из-за того, что у него живот раздуло. Почему у этой истории два варианта?» Или: «Эй, Фил, если все ученики заснули в Гефсиманском саду, как же Матфей узнал, что сказал Иисус в своей молитве?» Однако проблема Земли странствий была его любимой. «Эй, Фил, говорят, Бог поставил на Каина печать, чтобы предупредить других людей, не причинять ему вреда. Каких других, Фил? Его родителей? Тех, которые не послушались, когда Бог велел им фрукты не есть?»

– И что отвечал Фил?

– Как я уже говорила, он был еще тот зануда-буквоед, поэтому сначала как-то выкручивался. Пытался отшучиваться, только вот Роджер не шутил. Роджер разбивал все объяснения, пока Фил не признавался, что у него нет ответа. И тогда Роджер говорил: «Значит, ты откажешься от своей библейской брехни?» А Фил отвечал: «Нет», и Роджер заявлял: «Это потому, что религия делает людей тупыми».

– А что вы думаете по этому поводу?

– О, я определенно считаю, что религия делает людей тупыми, – отвечает она. – Но все равно Роджер был лицемером.

– Почему?

– Потому что проблема Нода не имела ничего общего с атеизмом. Даже если бы Библия была до последней буквы последовательной, он все равно не поверил бы ни единому слову. Он уже составил обо всем собственное мнение, а в противоречия тыкал просто из самодовольства и совершенно не замечал, из чего исходит Фил.

А тот действительно верил Библии. Те, кто верят в ее правдивость, считают, что любые нестыковки в тексте имеют объяснение. А знать эти объяснения не важно. Ведь если

я не могу сказать, что убило динозавров, то это не означает, что они не вымерли. И глядя с этой точки зрения, Роджер был несправедлив. Ну не знал мой брат, откуда появилась жена Каина. Что с того?

И тут то же самое, – она взмахивает рукой над разложенными бумагами. – Не притворяйтесь, что для вас это какое-то объективное расследование. Вы уже решили, во что верить. А сейчас всего лишь ищете аргумент поувесистей, чтобы им меня бить, пока я не соглашусь смотреть на все по-вашему.

– Джейн...

– Но этого не случится. Я знаю, что моя история правдива. Если у вас что-то не складывается, можем это обсудить, но не раздувайте из мухи слона. Это всего лишь проблема Нода.

– Что ж, вы ставите меня в трудное положение, – говорит доктор. – Если я не могу спрашивать о нестыковках в вашем рассказе...

– Вы можете спрашивать о них. Я сказала, что мы можем это обсудить.

– Но вы не склонны принимать в расчет реальные сомнения.

– Что нас уравнивает, – отвечает она. – Так же как Фила и Роджера.

Доктор хмурится.

– Извините, что испортила вам сценарий. Значит, вы не хотите слушать дальше?

– Нет, я все еще хочу услышать историю целиком.

– Ладно. Потому что иначе вы стали бы лжецом. То есть вы уже лжец, раз обещали не судить предвзято, но, если бы еще и слияли, стали бы дважды лжецом.

– Мне бы этого не хотелось, – говорит доктор. – Итак, что произошло после убийства Ангела Смерти?

Мы все создаем этот мир

– Я выросла.

До восемнадцати лет я так и жила в Сиеста Корта. Это не должно было надолго затянуться, но мама отказывалась забирать меня обратно, и даже тетя и дядя не смогли ее переубедить.

– Вы были расстроены тем, что не вернулись домой?

– Нет. До истории с уборщиком расстраивалась, а после... Мои взгляды почти на все изменились.

– Понимаю.

– Не уверена. То есть да, я пережила этот опыт жизни-и-смерти, убила кого-то, но если оглянуться, то не стрельба на меня повлияла. А голос, назвавший по телефону мое имя. Вообразите, будто однажды вам позвонил Господь, но сообщения не оставил, а просто дал понять, что Он существует. Представьте, как бы вы себя чувствовали, повесив трубку.

– Вы думали, что с вами по телефону говорил Бог?

– Нет! Но было похоже: как будто я встретила с чем-то огромным и таинственным, и тот факт, что оно существует, сделал весь мир интереснее.

– Похоже на опыт перехода в другую веру.

– Наверное. Только без трепя – это произошло на самом деле, и в доказательство у меня была монета. Они оставили – пусть и крошечное – подтверждение, которое говорило: «Это еще не конец». Я снова получу от них весточку.

– И вы видели в этом нечто положительное.

– Конечно. Почему бы и нет?

– Думаю, многие люди, пережив описанный вами опыт, не захотели бы его повторять.

– Ну да, но этим людям даже в первый раз не позвонили бы. Не все созданы для «Злых Обезьян», и это нормально. Что до меня, то когда первый шок прошел, я, конечно, захотела повторить. В смысле, Нэнси Дрю с долбаной пушкой, стреляющей молниями, – как такое не полюбить?

И в этом нетерпеливом ожидании жизнь в Сиеста Корта перестала быть таким уж бременем. Почти где угодно можно ждать наступления светлого будущего, так ведь? А пока я ждала – если это важно, – пересмотрела свое поведение. Образцовой гражданкой не стала, но избавилась от большей части «дурного семени». Отказалась от попыток перехитрить своих тетю и дядю, в школе начала по-настоящему стараться – настолько, что смогла получить стипендию в Беркли.

– И в конечном итоге вы вернулись в Сан-Франциско.

– Да. Хотя я едва не пролетела, в смысле, я подумывала отказаться от стипендии, но Фил убедил меня не быть идиоткой.

– Вы общались со своим братом?

– К тому времени да. Первые пару лет в Сиеста Корта от него вестей не было, но на свой тринадцатый день рождения он приехал повидаться. Использовал мою старую уловку: сказал маме, что останется у друга на выходные, а сам поймал машину в Вэлли. Я пришла домой после смены в магазине и обнаружила его играющим с кошками на веранде.

Сначала разозлилась на него за автостоп: «Ты хоть представляешь, какие психи встречаются на трассе, Фил?» Но он просто засмеялся и сказал, что чья бы корова мычала, и как бы там ни было, он достаточно большой, чтобы позаботиться о себе. Так оно и было: он сильно вырос, и хотя был всего лишь подростком, но его габариты заставили бы любую злую обезьяну дважды подумать.

Славная вышла встреча. Пока брат становился похожим на меня, я становилась похожей на него, и где-то на середине этого пути мы пересеклись. И оказалось, что на самом деле любим друг друга. Так что с тех пор мы поддерживали связь, и, когда мог, он приезжал повидаться. У него был дар – появляться, когда мне нужен совет, например, о стипендии.

– А ваша мать? Вы с ней все-таки помирились?

– Нет. Я думала навестить ее, как только вернусь в Сан-Франциско. Поговорила об этом с Филом, решила, что он поддержит, но он посчитал это паршивой идеей. «Ты же знаешь, что в конце концов сцепишься с ней, Джейн. Зачем тебе это?» Я отложила на потом. Она умерла в восемьдесят седьмом году, а мы с ней так и не повидались.

– Мне жаль.

– Нет, Фил был прав. Там никакой любви не осталось, и не было смысла притворяться.

– Расскажите мне о Беркли. Какая у вас была специализация?

– Господи, вот это вопрос... О какой вы хотите услышать в первую очередь? У меня их было пять.

– Не могли определиться с выбором?

– Не думала, что мне нужно выбирать. Послушайте, люди идут в колледж в основном по двум причинам. Одни идут, чтобы научиться чему-то, я имею в виду чему-то конкретному: получить профессию или заняться делом всей жизни. Другие, вроде меня, просто ищут впечатлений. Я была одной из тех голодающих художников, которые еще в начальной школе себя убедили, что их предназначение – стать актерами, музыкантами или писателями. Для таких колледж – способ убить время, пока судьба их не настигла.

– И вы верили, что ваше предназначение... стать Нэнси Дрю с пистолетом, стреляющим молниями?

– Видите, когда вы так говорите, звучит безумно. А все было не так прямолинейно. Тогда я даже не знала, что это за организация такая, и вовсе не твердила себе: «Однажды я присоединюсь к борьбе со злом». Это было намного тоньше, просто общее настроение: мне не нужно планировать свою жизнь, потому что план уже есть, и в конце концов он для меня прояснится.

Но ждать пришлось долго. Когда через пять лет я покинула Беркли, судьба все еще меня не настигла, и вдруг оказалось, что не такая уж и хорошая идея – не учиться ничему полезному. Чтобы выжить, я в конце концов сделала то же самое, что и все голодающие художники, – взялась за работу, которую может получить даже балбес-старшеклассник: официантка, доставщица пиццы, продавец винного магазина... Назовите профессию, где не нужна квалификация и в которой нет будущего, и я, вероятно, хотя бы раз пробовала за нее взяться.

Так что я была нищей, перебиралась с одной хреновой квартирki на другую, но оставалась молодой и веселой – иногда даже слишком веселой – и все еще чувствовала себя под защитой. Но однажды оглянулась, а мне уже тридцать. И я говорила уже, что не задумывалась о своем предназначении так уж явно, но в круглые даты начинаешь размышлять о таких вещах, а в день моего тридцатилетия я сообразила, что очень-очень давно не видела свою монету. Решила, что нужно на нее посмотреть, подержать в руке, напомнить себе, ну, понимаете, что «omnes mundum facimus» – мы все создаем мир, что бы это, черт возьми, ни значило.

Но найти ее не смогла. Хотя всю квартиру вверх дном перевернула. Удивляться было нечему – столько раз переезжала, чудо, что не потеряла что-то сверх того, но я была очень расстроена. Поэтому вышла из дома и реально облажалась, а говоря короче, мой день рождения закончился полицией и поездкой на скорой.

Потом ко мне пришел Фил, и у нас был долгий разговор по душам о том, что я собираюсь делать со своей жизнью. Я никогда не рассказывала ему о монете, голосе по телефону и обо всем остальном, но он рассуждал так, как будто был в курсе: «Тебе не нужно особое приглашение, чтобы совершать добрые дела, Джейн, – сказал он. – Если ты этого хочешь, то просто

иди и делай». И как только меня перестало тошнить от этих слов, они обрели огромный смысл. Так что это стало основной темой в начале моего четвертого десятилетия.

– Добрые дела?

– Ну, попытки. Оказалось, что все не так просто, как звучит.

Пару лет я работала в Армии Спасения и магазинах «Гудвилл», но поняла, что у меня неподходящий темперамент для благотворительности, особенно религиозной. Потом решила приобщиться к «белым воротничкам» – «Марш даймов»⁸, «КАРЕ»⁹, но это было попросту скучно, к тому же с офисными подкововерными играми у меня задалось еще хуже, чем с благотворительностью. Тогда я вернулась к истокам и подумала, что, возможно, мне нужна работа с воспитательным или даже дисциплинарным уклоном.

– Обеспечение правопорядка?

– Да. Но тут другая проблема: чтобы стать полицейским, тюремным надзирателем или даже офицером по условно-досрочным освобождениям, нужно пройти проверку, а в моей истории были моменты – вроде того кризиса на тридцатый день рождения – которые становились камнем преткновения. Я могла рассчитывать максимум на работу охранника, но с моей точки зрения защита товара в супермаркете – это не слишком-то доброе дело.

Постепенно я в свои тридцать с небольшим начала напоминать себя же в двадцать – сплошная череда бессмысленных и тупиковых занятий. А мне уже тридцать пять, и тридцать шесть, а там и сорок впереди маячат, и у Фила больше нет идей.

И вот однажды я наткнулась на свою старую приятельницу – Луну. Двадцать лет ее не видела, но однажды, почувствовав ностальгию, решила вернуться в Хейт, на улицу, где мы росли. Стояла перед участком, где когда-то был общественный сад – его заасфальтировали и превратили в площадку для скейтбордистов – и тут появилась Луна, волоча за собой двоих малышей.

Она выглядела великолепно. Молодая и стройная, будто и не было двух беременностей. Я же была изрядно потрепанной, и ей потребовалась целая минута, чтобы узнать меня, но потом мы обнялись, и она представила свой выводок. А дальше – будто еще недостаточно тоски нагнала – рассказала, что они с мужем открыли собственную консалтинговую фирму и зашибают в год шестизначные суммы, работая на дому. Так что пришлось ответить ей историей о том, что я состояла в Корпусе Мира, и если выгляжу немного запущенной, то это потому, что последние десять лет боролась со СПИДом в Африке. Ей пора было уходить, так что я дала фальшивый адрес электронной почты и пообещала поддерживать связь.

А уже по пути домой, проходя мимо таксофона и поддавшись порыву, я сняла трубку. Гудка не было, но аппарат работал – это была открытая линия. «Алло, – сказала я. – Если вы планируете когда-нибудь перезвонить мне, сделайте это скорее».

На следующий день по почте пришел вызов в жюри присяжных. Меня и раньше приглашали в присяжные, да я и готовилась к другим знакам, так что это могло быть совпадением. А может, и нет... Так или иначе, я решила, что это возможность сделать что-то хорошее, которую я так искала.

Готовились слушать дело о поджоге и убийстве. Тип по имени Джулиус Дидс, известный гангстер, узнал об измене своей любовницы и посреди ночи бросил в окно ее гостиной бутылку с зажигательной смесью. Сама девушка убежала через черный ход, но в доме наверху остались

⁸ «Марш даймов» – благотворительное общество, спонсирующее изучение и лечение детского церебрального паралича, полиомиелита и других тяжелых детских заболеваний. Было основано Теодором Рузвельтом и получило свое название после массовой рассылки писем с призывом «Пожертвовать дайм». Дайм – монета в 10 центов.

⁹ КАРЕ (CARE) – акроним от англ. Cooperative for Assistance and Relief Everywhere, буквально «кооператив для содействия и помощи всюду» – игра слов, англ. Care переводится как «уход, забота, оказание помощи» – крупная международная независимая неправительственная гуманитарная организация, предоставляющая помощь широкого спектра; основана в 1945 году, осуществляет долгосрочные международные проекты в области развития. Это одна из крупнейших и старейших организаций по оказанию гуманитарной помощи, ориентированных на борьбу с глобальной бедностью.

трое детей, и никто из них не выбрался из огня. Я оказалась среди присяжных и очень радовалась, пока не поняла, что раньше уже встречалась с ответчиком. Он был у моего дилера, когда я в последний раз туда приходила.

– У вашего наркодилера?

– Да. Парня по прозвищу Ганеш.

– Можно спросить, о каких наркотиках идет речь?

– Об обычных. Травка, конечно; спиды, валиум, кокс по особым случаям. Кислота, когда мне хотелось недорого отдохнуть. Звучит, наверное, многовато, но в тот период жизни я все держала под контролем.

Как бы там ни было, когда я в последний раз приходила к Ганешу, примерно за месяц до вызова в жюри присяжных, он открыл дверь с очень испуганным видом. Ганеш всегда был немного дерганным. До исключения из медицинского он учился на онколога, и, думаю, в его голове двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю крутилась мантра неудачника: «Я должен был лечить рак, а вместо этого стою в шаге от двадцати лет в Ливенворте»¹⁰

¹⁰ *Ливенорт* – одна из самых известных федеральных тюрем США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.